

20⁹
348

РОССІЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

912
801-13
2724

ПУТИ ПРОВИДѢНІЯ

въ жизни одной благочестивой женщины, совращенной въ расколъ и опять возвратившейся въ православную Церковь.

Рр
17604

(Разсказъ священника *).

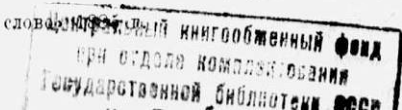
Показуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя (Пе. 117, 18).

Жизнь благочестивой женщины, о которой я намѣренъ предложить читателямъ правдивое сказаніе, можетъ служить однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ свидѣтельствъ того, какъ Промыслъ Божій попускаетъ иногда людямъ уклоняться въ расколъ, дабы они, испытавши ближе и осязательнѣе лживость и погибельность раскола, глубже почувствовали и поняли истину и спасительность православія, и тѣмъ искреннѣе возжелали соединенія со святою церковію. Никто изъ людей не принималъ участія въ обращеніи къ православію тѣхъ лицъ, о которыхъ я буду вести мой разсказъ, и сами они, какъ неграмотные, не могли изъ чтенія священныхъ и отеческихъ книгъ уразумѣть неправду раскола и истину ученія православной церкви: самъ Богъ, дѣйствуя на ихъ совѣсть и внутренними и внѣшними вразумленіями, привелъ ихъ отъ тьмы къ свѣту, изъ раскола въ лоно матери нашей церкви православной.

Лѣтомъ минувшаго 1884 года, Августа 4-го, приходитъ ко мнѣ въ домъ одна старушка-прихожанка Февронія Шарикова и проситъ, чтобы я пришелъ нанутствовать больную дочь ея Евпраксію. Я собрался; но въ это самое время приходитъ другая женщина, моего же прихода, — проситъ, чтобы я поспѣшилъ для того же къ ея умирающему мужу. Я началъ размышлять, куда мнѣ прежде идти. Старушка Шарикова, тутъ же стоявшая, вывела меня изъ затрудненія. Она сказала: «поди, батюшка, прежде съ этой женщиной и причасти ея мужа; а къ намъ зайдешь на обратномъ пути». Я принялъ совѣтъ старушки. Мы пошли вмѣстѣ: путь намъ лежалъ по одной улицѣ. Шарикова, идя возлѣ меня, сказала: «Вѣдь дочь-то моя сама здорова, да вѣтъ уже больше года лѣвой ногой страдаетъ, съ мѣста сдвинуться не можетъ, такъ и сидитъ калѣкой. Явно, батюшка, что Господь за великіе наши грѣхи наказалъ ее такою тяжелою болѣзнію», — прибавила старушка, утирая рукавомъ катившіяся изъ глазъ слезы.

— Справедливо ты, бабушка, говоришь, — замѣтилъ я, — что правосудный Господь за грѣхи наказываетъ насъ, дабы мы почувствовали, вразумились, сознали свои беззаконія, раскаялись въ про-

*) Изъ журнала «Братское слово».

ступняхъ и преступленіяхъ, перестали бы къ тому согрѣшать и жили бы согласно заповѣдямъ Божиимъ. Когда постигаютъ насъ бѣды и напасти, скорби и болѣзни, тогда мы вспоминаемъ Бога, Котораго забыли, вопіемъ къ Нему о милосердіи. Нужно переносить скорби и болѣзни съ терпѣніемъ, безъ ропота, вѣруя, что Отецъ Небесный наказываетъ насъ по любви, дабы мы въ конецъ не погрязли въ беззаконіяхъ и на вѣки не погибли.

— «Истинную правду говорите вы, батюшка!—сказала Шарикова. — Вотъ и дочку-то мою какъ стали постигать болѣзни, одна другой лютеѣ,—она и стала обращаться къ Богу, Котораго прогнѣвала своимъ вѣроотступствомъ. И какъ теперь кается, что не послушала своихъ родителей!

— Какая же твоя дочь вѣроотступница?—спросилъ я.

— «Да вѣдь она, батюшка, церковь-то Божию покинула, вѣру-то христіанскую нарушила, ушла къ келейнымъ *) раскольникамъ! Но теперь, славу Богу!—опять стала церковною, и дѣтей въ церкви крестила. А мужъ-то ея, зять мой, и до днесь келейнымъ числится. Да вотъ придешь, батюшка, такъ дочь-то сама все перескажетъ тебѣ»,—прибавила старушка, прощаясь со мной у своего дома.

Исповѣдавъ больнаго, я поспѣшилъ къ Шариковой. Она поджидала меня на крыльцѣ своего дома и повела черезъ дворъ въ маленькую избу, гдѣ жила больная дочь ея съ мужемъ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ сидящую на постели еще молодую, но блѣдную, исхудалую женщину (около 35 л.), въ чистомъ одѣяніи, съ кожаной лѣстовкой въ рукахъ. «Благословите батюшка»,—слабымъ голосомъ проговорила она,—благословите меня, многогрѣшную, и дѣтей моихъ! Вотъ они, мои жалкіе, увиваются вокругъ своей больной и недужной матери; а я, несчастная, не могу и съ мѣста двинуться!»

Благословивъ больную и трехъ маленькихъ дѣтей, я спросилъ ее: вы желаете исповѣдаться и приобщиться св. Христовыхъ Таинъ?

— «Да, батюшка,—душевно желаю! Спаси васъ Христось, что вы потрудились такъ скоро придти. Но присядьте не надолго, — мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ».

Я присѣлъ.

— «Вотъ что я хотѣла сказать вамъ, — продолжала Евпраксія (такъ звали больную): слышала я отъ матушки и брата, что вы, не такъ давно, присоединили къ св. церкви отъ келейныхъ Ивана Панова: правда ли это?

— Да, это правда,—отвѣтилъ я.

— «Когда я узнала объ этомъ, — продолжала Евпраксія, — то стала думать: какъ же это? — и я была келейною, перемазанской вѣры, а стала ходить въ церковь безъ всякаго присоединенія!»

*) Такъ зовутъ у насъ раскольниковъ бѣгдопоповской, или перемазанской секты.

— Развѣ тебя никто изъ православныхъ священниковъ не присоединилъ къ церкви по чиноположенію?—спросилъ я.

— «Никто меня не присоединялъ, никакой молитвы мнѣ не читали. Я и до днесь числюсь келейною, хотя давно уже отъ келейныхъ отстала».

— Если такъ, то нужно присоединить тебя къ православію, по чиноположенію церковному,—сказалъ я.

— «Ради Бога, батюшка, присоедините меня грѣшную вѣроотступницу!—со слезами на глазахъ просила Евпраксія. А то я чувствую, что и теперь тяготѣетъ на мнѣ клятва покойнаго отца! Она давитъ меня, какъ тяжелый камень, и нѣтъ покоя многогрѣшной душѣ моей! Да и въ церковь-то Божию когда я стала ходить, все мнѣ думалось, что я еще раскольница, не вполне православная. Успокойте меня, батюшка! Освободите мою грѣшную душу отъ клятвы родительской!

— Подожди немного,—сказалъ я больной. Мнѣ нужно сходить домой за книгою. Тогда я исполню твое желаніе.

Возвратившись черезъ нѣсколько минутъ, я исповѣдалъ больную Евпраксію, потомъ, при свидѣтеляхъ, присоединилъ къ православной церкви по установленному чиноположенію, и сподобилъ приобщенія св. Таинъ—Тѣла и Крови Господа нашего Иисуса Христа.

Во все время священнодѣйствія она съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія взирала на св. иконы, съ сердечными вздохами и со слезами молилась. Когда я, совершивъ отпустъ, поднесъ больной Живоотворящій Крестъ Господень, она благоговѣнно приложилась и, устремивъ свой взоръ на ликъ Спасителя, стала произносить какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ: «Благодарю Тебя, Господи, Создателю мой! Благодарю Тебя, Владыка, Отецъ Небесный, за всѣ Твои милости, такъ изобильно изливаемые на меня, многогрѣшную-недостойную! Слава Тебѣ, Христе Боже, что Ты не допустилъ мнѣ на вѣки погибнуть въ расколѣ, а возвратилъ опять къ матери нашей — св. церкви, и сподобилъ причаститься св. Твоихъ Таинъ! И ты, родимый мой батюшка, тамъ, на небесахъ, простилъ теперь дочь свою преступницу-вѣроотступницу! Я это чувствую... тяжелый камень свалился... онъ не давитъ больше больную — исхудалую грудь мою! Теперь я спокойно могу умереть, или жить, терпѣливо перенося лютую скорбь мою!»

Всѣ мы, присутствовавшіе, стоя въ сторонѣ, съ благоговѣніемъ слушали слова болящей. По ея кроткому, вдохновенному лицу, на которомъ игралъ легкій румянецъ, струились горячія слезы...

О какія это были для меня, недостойнаго, отрадныхъ минуты! Никогда не изгладятся онѣ изъ моей памяти!

Потомъ больная попросила меня присѣсть и выпить у нихъ чаю. Мать-старушка подала на столъ самоваръ и пересадила больную къ столу. За чаемъ я попросилъ Евпраксію рассказать мнѣ исторію ея

4455-13

0005782

сворачиванія въ расколъ и возвращенія къ православію, и все, что она припомнитъ изъ своей жизни въ расколѣ.

— «Все, батюшка, расскажу,—отвѣтила она,—ничего не потаю! И одну правду буду говорить, какъ отцу моему духовному... Я знаю, что глать великій грѣхъ, особенно предъ отцемъ духовнымъ, да еще послѣ принятія св. Христовыхъ Таинъ!»

И вотъ начала она рассказъ свой, который привожу здѣсь почти подлинными ея словами.

— «До замужества я жила въ домѣ моихъ родителей, которые всей душой были преданы св. церкви. Они часто ходили въ храмъ Божій на молитву, и меня съ малолѣтства къ тому же приучали. Когда я выросла, сдѣлалась здоровой и работающей дѣвицей,—бывало устали не знала въ домашнихъ и полевыхъ работахъ,—и слыла по городу въ числѣ самыхъ красивыхъ. Только исполнилось мнѣ 16 лѣтъ, какъ стали свататься за меня женихи; но родители не спѣшили выдавать меня въ замужество, жалѣя мою молодость. Потомъ черезъ годъ присватался за меня нашего города мѣщанинъ Никита Александровичъ Чернышковъ (настоящій мой мужъ). Домъ Чернышковыхъ былъ зажиточный, да и женихъ парень смиренный. Но такъ какъ семейство Чернышковыхъ держалось келейной вѣры, то отецъ мой и матушка слышать не хотѣли объ этомъ сватовствѣ. Они говорили: «будь Чернышковы миллионщики, мы и тогда не выдадимъ своей дочери за раскольника!» Чернышковы, получивъ отъ моихъ родителей отказъ и видя, что никакими силами нельзя склонить ихъ выдать дочь свою въ ихъ келейную вѣру, согласились повѣнчать сына въ православной церкви, и съ клятвою увѣрили моихъ родителей, что благословляютъ сына быть церковнымъ и что никогда не будутъ опять свращать его въ расколъ. Родители мои довѣрились словамъ и клятвамъ Чернышковыхъ и сосватали меня за ихъ сына. Насъ повѣнчали дѣйствительно въ православной церкви, и я зажила въ новой семьѣ. Въ первое воскресенье послѣ свадьбы я стала, по обычаю, собираться въ церковь къ обѣднѣ и пригласила съ собой мужа; но онъ сказалъ, что ему некогда, какое-то дѣло предстоитъ. Сначала я повѣрила мужу; думала въ правду, что ему нѣтъ времени, и отправилась въ церковь одна. Проходить недѣля, другая, третья, — а мужу моему все нѣтъ времени идти со мной въ Божій храмъ. Тогда я поняла, что онъ по прежнему остается раскольниковъ, хотя ради женитьбы на мнѣ и повѣнчался въ православной церкви. О, какъ грустно и горько мнѣ было видѣть, что мужъ мой не одной со мной вѣры! Но дѣлать было нечего; нужно было покоряться обстоятельствамъ. Съ полгода прожила я въ новой семьѣ и всѣми была любима, — всѣ были со мной ласковы, никто не укорялъ меня, что крѣпко держусь православной церкви. Но потомъ я стала замѣчать, что свекровь моя перестала садиться вмѣстѣ съ нами за общій столъ, а начала обѣдать и ужинать одна, въ кухнѣ. Оказалось, что она ходила

на исповѣдь къ Харитону-старика^{*)}, и тотъ прочитавъ ей какую-то молитву отъ оскверненія, строго приказалъ не «мирщиться» съ нами, т. е. не ѣсть и не пить изъ одной посуды. Спустя немного времени и свекоръ пересталъ обѣдать со мной и моимъ мужемъ: ему тоже прочиталъ Харитонъ молитву. Съ этихъ поръ жизнь моя въ семьѣ замѣтно стала измѣняться къ худшему. На меня стали смотрѣть неласково, непривѣтливо. Посуду свою, изъ которой ѣли и пили свекоръ съ свекровью, они всегда убирали, опасаясь, какъ бы я не осквернила своимъ прикосновеніемъ. Хотя свекоръ и свекровь прямо не говорили мнѣ, чтобы я переходила въ ихъ келейную вѣру, но ясно было видно, какъ имъ хотѣлось этого. Теперь они постоянно твердили, что ихъ келейная вѣра самая что ни на есть святая, старинная, установленная еще до Никона патріарха всѣми св. отцами; а нашу православную церковь и нашихъ священниковъ всегда порицали разными хулами и укузизмами. Мужу моему они внушали также, чтобы склонялъ меня перейти въ ихъ вѣру. Они говорили ему: «ты мужъ ея, повелитель; она во всемъ должна тебѣ повиноваться. Вся семья наша держится древняго благочестія; а она будетъ никоніанкою! Статное ли это дѣло?! Вонъ и отецъ Харитонъ говоритъ, что надо ее перевести въ христіанскую вѣру,—за это, говорить, вся ваша семья наследуетъ царствіе небесное! А то вѣдь душа-то погибнетъ въ церкви за наше нерадѣніе!» Мужъ мой, будучи самъ закоренѣлымъ раскольниковъ, сталъ меня уговаривать, да усобѣщивать, чтобы я оставила церковь Божію и перешла къ келейнымъ. «Развѣ лучше будетъ,—говорилъ онъ,— когда черезъ твое упрямство пойдетъ въ семьѣ у насъ несогласіе да раздоръ? Мнѣ и такъ всѣ попрекаютъ тобой, что я ради тебя измѣнилъ нашу древнюю вѣру, повѣнчался у никоніанскаго попа! Вонъ наши келейные говорятъ: лучше не повѣнчавшись, по одному родительскому благословенію, жить; тогда, говорить, только одинъ грѣхъ будетъ, а ереси-то никакой. А я вотъ повѣнчался съ тобою, да и попалъ въ никоніанство!» Я ничего на этотъ разъ не сказала мужу; сидѣла молча, обливаясь слезами. Мнѣ и сно теперь стало, что свекоръ и свекровь самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманули меня и моихъ родителей, ни во что считаютъ данную ими клятву не свращать меня въ расколъ. А между тѣмъ мужъ мой, подстрекаемый родителями, все чаще и чаще сталъ престаивать ко мнѣ, чтобы я оставила церковь и шла съ нимъ къ Харитону въ моленую.

«Долго я крѣпилась и не сказывала своимъ роднымъ — отцу и матери, какъ принуждаютъ меня перейти въ келейную вѣру. Наконецъ рассказала имъ все. Отецъ, выслушавъ меня, строго наказалъ, чтобы я твердо держалась св. церкви и не уступала семейнымъ: «Добровольно не соглашайся,—говорилъ онъ,—а насильно не приневолять. На это есть законъ!» Легко было совѣтовать и приказывать моему отцу; но каково мнѣ-то было жить въ такой семьѣ, гдѣ считали меня наравнѣ съ нечистою собакою,—богдись, какъ бы я не осквернила ихъ чашки и ложки своимъ прикосновеніемъ!

«Жизнь моя въ семьѣ день отъ дня становилась хуже, и наконецъ

*) Старикъ Харитонъ Лаврентьевъ Сухорукій считается по г. Сухиничи главнымъ вождемъ и наставникомъ бѣглопоповицкой секты, тульского согласія.

4455-13

стала невыносима! Какъ я ни старалась бороться противъ дѣлой семьи, все было напрасно. Спусти годъ такой истинно безотрадной моей жизни, я увидѣла, что мнѣ жить въ такой семьѣ и оставаться православною нѣтъ никакой возможности. И стала я, противъ собственнаго моего желанія, склоняться нѣсколько на убѣжденія семейныхъ. Въ это время разнесся по городу между келейными слухъ, что въ г. Козельскъ прѣхалъ старообрядческій (бѣглый) попъ, котораго года четыре, или пять не было. Всѣ келейные возрадовались, засуетились, стали говѣть, молиться по нѣскольку лѣстовокъ въ день, приготавлиаясь къ исправѣ (къ исповѣди, причастію и другимъ требамъ). Почти въ каждомъ семействѣ у келейныхъ оказывалось по нѣскольку младенцевъ некрещеныхъ, — были даже возрастные, лѣтъ по пяти и больше некрещеные. Наша семья тоже стала собираться ѣхать къ попу. «Какого случая, — говорили, — не скоро дождемся; можетъ быть въ десять лѣтъ попа-то нашего въ глаза не увидимъ! У насъ вѣдь попы-то не то, что у этихъ австрійковъ (раскольниковъ по австрійскому жезвясщенству), — у нихъ развелось этихъ самозванцевъ много множество! Нашихъ древаправославныхъ священниковъ, говорятъ, на всю Россію теперь только три, или четыре: гдѣ же имъ, нашимъ батюшкамъ, троямъ-то всю Россію скоро объѣздить!» Вотъ тогда-то свекоръ и свекровь приступили ко мнѣ настоятельно, чтобы я съ ними отправлялась въ Козельскъ, къ ихнему попу на исправу. Что мнѣ оставалось дѣлать? — Волею неволею покорилась я и дала согласіе перейти въ келейную вѣру...

«Въ Косельскѣ отправились мы съ мужемъ пѣшкомъ и пришли туда къ вечеру (30 верстъ). Вмѣстѣ съ нами шли другіе келейные и привели насъ къ тому дому, гдѣ находился бѣглый попъ. Свекоръ и свекровь раньше нашего прѣхали. Увида насъ, они обрадовались, потому что имѣли опасеніе, какъ бы я не передумала, опять не отказалась бы принять ихъ вѣру. Когда мы вошли на дворъ, тамъ уже находилось множество народа обоего пола и всякаго возраста. У воротъ дома постоянно находились два сторожа, которые со вниманіемъ разсматривали всѣхъ входящихъ и выходящихъ, вѣроятно опасаясь, какъ бы кто изъ никоніанъ не прокрался въ ихъ собраніе. Какіе-то двое мужчинъ, стоявшіе около насъ, говорили между собой: «Опасаться нечего! Съ г. исправникомъ дѣло улажено, а квартальный — нашъ человекъ. Онъ далъ честное слово, коли что случится, предупредить.»

«Когда стемнѣло, позвали насъ въ моленную, къ всеобщему богослуженію, которое совершалъ бѣглый попъ. Мы съ мужемъ стояли позади всѣхъ, потому что намъ, до исправы, строго наказано было не молиться вмѣстѣ съ келейными. Свекровь подошла ко мнѣ и подтвердила это: «Ты, молодуха, смотри, — неравно какъ, невзначай, не вздумай креститься и власть поклонны! Тогда ты такой бѣды надѣлаешь, что всѣхъ замѣришь!» Простоявъ около часа въ душной комнатѣ, въ которой всѣ окна и двери вплотную были закрыты, я почувствовала большое утомленіе и вышла на дворъ освѣжиться. Свекровь замѣтила, что меня нѣтъ въ моленной, вышла ко мнѣ на дворъ и говоритъ: «Что же ты, молодуха, Богу-то залѣпилась молиться? Въ кои-то вѣки Господь привелъ намъ послушать Божію службу съ нашимъ христіанскимъ батюшкой, а ты вышла вонъ прохлаждаться!» — Мнѣ, магушка, дурно сдѣлалось; я не могла больше стоять отъ утомленія, — отвѣтила я. — «Это

лукавый бѣсъ тебя мучить, — сердито сказала свекровь. Видишь, ему окаянному нелюбо, противно стало, что ты никоніанскую то вѣру поводишь! Вотъ оцъ, нечистая сила, и крутитъ твою головушку! А ты вотъ что: не подавайши ему, окаянному! ступай въ моленную и твори про себя Ісусову молитву, читай: *Да воскреснетъ Богъ*. Сила-то вражіи какъ дымъ отлетитъ отъ тебя!» Я вынуждена была, чрезъ большую силу, опять идти въ моленную. Простоявъ еще съ полчаса, я почувствовала, что въ глазахъ у меня все стало кружиться, а ноги сами собой подламывались. Стоявшій около меня мужъ схватилъ меня на руки и вынесъ вонъ изъ моленной. Чрезъ нѣсколько минутъ я очутилась, пришла въ себя. Всеночная продолжалась далеко за полночь. Я прилегла тутъ же, на дворѣ, и заснула. Утромъ разбудили меня; приказали готовиться къ исправѣ. Мы пошли съ мужемъ въ моленную. Попъ уже началъ крестить. Посреди моленной, вмѣсто купели, стояла большая кадка съ водой, потому что къ крещенію готовились не одни младенцы. Много было мальчиковъ и дѣвочекъ, лѣтъ по десяти и больше некрещеныхъ. Тутъ, я видѣла, что маленькихъ дѣтей бралъ попъ въ руки и три раза погружалъ въ кадку, наполненной водой; а взрослыхъ кумъ и кума становили въ кадку, попъ же ихъ не погружалъ, а нагибалъ только головы одной рукой, а другой плескалъ имъ на голову и тѣло водой, что-то приговаривая. Наконецъ дошла очередь и до насъ съ мужемъ. Намъ тоже, какъ младенцамъ, поставили воспріемниковъ и воспріемницъ. Прежде всего попъ приказалъ намъ надожить седмипоклонный началъ, потомъ сталъ вычитывать какое-то проклятіе, а намъ велѣлъ за нимъ повторять. По окончаніи чтенія онъ прежде сталъ моего мужа чѣмъ-то мазать, а потомъ — меня. Не могу вспомнить безъ содроганія, какимъ ужасомъ объято было все существо мое въ тѣ минуты, когда я подвергалась перемазанію! Мнѣ казалось, что предо мной не попъ стоитъ, а какое-то ужасное чудовище! Что потомъ было со мной — не помню, потому что я потеряла сознаніе, и меня какъ мертвую вынесли на рукахъ изъ моленной. Когда я очнулась, то увидѣла возлѣ себя свекора, свекровь, мужа и другихъ лицъ, которые суетились, спрыскивая лицо и грудь мою водой. Наконецъ я поднялась на ноги, къ великой радости моихъ родныхъ. Они стали поздравлять меня съ принятіемъ Христовой благодати (т. е. душепагубнаго раскола). Свекровь моя до того разчувствовалась, что три раза меня поцѣловала. «Вотъ теперь, слава тебѣ Господи! — говорила она, — теперь ужъ ты наша стала, истинная христіанка!» Но всѣ ихъ слова и ласки до того были противны мнѣ, что я не могла даже смотрѣть на нихъ: я считала ихъ убійцами, погубившими мою душу. И хоть я совѣмъ очутилась, пришла въ полное сознаніе; но голова у меня была какъ будто свинцовая, а въ груди чувствовалась большая тяжесть, — словно тяжелый камень положили мнѣ на сердце! Внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что я великое совершила преступленіе, погубила на вѣки свою грѣшную душу! Мнѣ даже слышалось, что кто-то говоритъ мнѣ: «вѣроотступница! вѣроотступница!

«Отдохнувши часа два и подкрѣпившись принесенною изъ дома пиццею, мы съ мужемъ отправились въ обратный путь. Съ нами шли и другіе сухиничскіе келейные, которые приходили въ Козельскъ для исправы. Дорогой, по обыкновенію, много было разговоровъ. Молодые много шутили насчетъ своего попа. Одинъ говорилъ: «Видно батюшка-

то недавно отъ никоианъ, и креститься-то какъ слѣдуетъ еще не научился! Хочеть-хочеть сложить какъ слѣдуетъ крестъ (двуперстие), а рука-то не слушается: такъ всей горстью и молится!» — «А вынищеть-то, братцы мои, — сказалъ другой насмѣшникъ, — словно изъ сороковой бочки отъ попа-то несетъ!» Много было также шутокъ и насчетъ новокрещенныхъ дѣтей по девяти и больше годовъ. Но мнѣ было не до шутокъ. Я во всю дорогу шла понура голову. Часто невольный вздохъ вылеталъ изъ больной груди моей, а слезы сами текли изъ глазъ. У меня было какое-то предчувствіе, что неминуемо должна разразиться надо мной великая бѣда! Всего больше я боялась роднаго отца, который, думаю, по своему пылкому характеру, изругаетъ и проклянетъ меня за вѣроотступничество!

«Въ городъ еще рано мы пришли, — часу въ пятомъ по полудни. Свекоръ и свекровь прежде насъ успѣли пріѣхать, и, къ нашему приходу, приготовили самоваръ. Хотя я сильно утомилась и желала отдохнуть; но родные пригласили меня выпить чаю. Когда всѣ усѣлись за столъ, сѣла и я на стулъ, взяла въ руки чашку съ чаемъ, перекрестилась и хотѣла пить; но вдругъ голова у меня закружилась, въ глазахъ потемнѣло и я покатила съ чашкою и со стуломъ на полъ. Что было со мной — ничего не помню. Послѣ мнѣ рассказывали, что я сдѣлалась словно мертвая; даже дыханіе прекратилось; тѣло было холодное, безъ всякихъ признаковъ жизни. Всѣ домашніе перепугались, — думали, что я умерла. Но Господь ежалился надо мною грѣшною. Онъ наказалъ меня вѣроотступницу, но не допустилъ въ конецъ погибнуть душѣ моей! Черезъ нѣсколько часовъ я пришла въ себя; только опять чувствовала сильную головную боль и тяжесть въ груди. Затѣмъ я совсѣмъ оправилась. Жизнь наша семейная пошла своимъ чередомъ. Свекоръ и свекровь сдѣлались ко мнѣ очень ласковыи предупредительны, не знали чѣмъ угодить. Но ласки и услужливостъ ихъ возмущали мою душу и была до того противны мнѣ, что я невольно отъ нихъ отворачивалась, зная, какой цѣной все это мнѣ досталось.

«Къ роднымъ — отцу и матери — я боялась показаться на глаза. Прошло такъ съ недѣлю. Наконецъ рѣшилась я пойти въ домъ родительскій. Мать встрѣтила меня съ обычной своей любовью; но когда пристально вмотрѣлась въ меня, — такъ и ахнула! Она увидѣла, что прежней красоты и свѣжести во мнѣ и слѣдовъ не осталось! Я была блѣдная, исхудалая, будто недѣль пять хворала... — «Что это ты, мое дитятко, какая стала? — тебя вѣдь узчать нельзя!» — плачевнымъ голосомъ говорила она. Отецъ же сурово взглянулъ на меня. Видно онъ уже слышалъ отъ кого-нибудь, что я перешла въ перемазанскую вѣру. Каждую минуту ожидала я; вотъ онъ разразится бранью, упреками и укорицами на свою дочь — преступницу! Долго онъ сидѣлъ молча, нахмурившись; потомъ, дѣйствительно, излилъ на меня цѣлый потокъ гнѣва и укорицъ: «Теперь ты стала келейною! — говорилъ онъ, — промѣняла церковь Божию на простую избу, православнаго священника на какого-нибудь бѣлаго арестанта, или солдата *). Не знай же ты моего дома, вѣроотступница; Я тебѣ не отецъ, а ты мнѣ не дочь! Будь ты отъ меня проклята съ своимъ Харитономъ Сухорукимъ! Когда я умру, — не смѣй ходить на

*) За поповъ раскольники, дѣйствительно, принимали иногда солдатъ и арестантовъ.

мою могилу! До тѣхъ поръ я тебя не прошу, пока ты опять не воротилъ къ Божіей церкви!» Сказавъ эти ужасныя слова, онъ вышелъ вонъ. Какъ громовой ударъ поразили меня слова моего родителя. Вся я сдѣлалась какою-то словно доревянная. Даже и плакать не могла. Одно я чувствовала, что погибла на вѣки!.. Мать сидѣла возлѣ меня, обнимала меня и заливалась горькими слезами!..

«Когда я нѣсколько пришла въ себя, то стала думать какъ бы мнѣ опять возвратиться къ св. церкви? — Но, видно, по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, еще не пришло тогда время осуществиться моимъ думамъ: Господь готовилъ мнѣ новыя, болѣе тяжкія испытанія.

«Живя въ семьѣ, преданной расколу, постоянно слыша здѣсь о древнемъ благочестіи, я стала мало-по-малу привыкать къ своему положенію. Притомъ же входило мнѣ въ голову такое разсужденіе: «не я первая, не я и послѣдняя изъ православныхъ вышла за келейнаго; Мало ли у насъ по городу православныхъ, которые повывали дочерей своихъ въ келейную вѣру!» — Постигшую меня болѣзнь при совершеніи въ расколъ я стала считать обыкновеннымъ случаемъ, не придавать ей особаго значенія. Только и беспокоило меня одно, — родительская клятва, которую я никакъ забыть не могла. Но чего не дѣлаетъ время и молодость? Любя мужа, я примирилась со всѣмъ и стала какъ будто забывать уже св. церковь; но она не забыла меня, заблуждѣнную. — Часто, ежедневно напоминала о себѣ звономъ нашего соборнаго колокола. Гдѣ бы я ни была: дома, въ полѣ за работой, — какъ только услышу звонъ церковнаго колокола, то и почувствую невольно тоску какую-то и уныніе. Еще никогда не могла я равнодушно проходить мимо Божьяго храма. Взглянешь бываю на него, и вспомнишь, что въ немъ приняла св. крещеніе, семнадцать лѣтъ ходила въ него на молитву, каждый годъ пріобщалась св. Христовыхъ Таинъ, сочеталась бракомъ, — и невольно, противъ желанія, слезы польются ручьемъ изъ глазъ! Наступить, бывало, воскресенье, или какой праздникъ: народъ въ лучшихъ нарядахъ толпами стремится въ храмъ Божій, а я, несчастная, сижу дома, совсѣмъ одна, потому что всѣ семейные уйдутъ къ Харитону въ моленную. Но не долго пришлось мнѣ быть въ безпечности и нерадѣнія. Самъ Господь напомнилъ мнѣ, въ какомъ гибельномъ состояніи я находилась! Стала я подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ, — сначала извѣдка, а потомъ, чаще и чаще; во всемъ тѣлѣ чувствовала какую-то слабость, силы постепенно упали. Наконецъ я совсѣмъ слегла въ постель и помѣшалась разсудкомъ. Порою умъ мой какъ будто просвѣтлялся, возвращалось сознание, — я узнавала окружающихъ; но это сознательное состояніе было ужасное, такъ что и теперь страшно вспоминать! Тѣломъ я столько не страдала, сколько душою. Жизнь мнѣ до того опротивѣла, что я стала изыскивать способы, какъ бы отъ нея избавиться. Не одинъ разъ замышляла самоубійство. Вѣроятно, родные это замѣтили, и никогда почти одну меня не оставляли, строго за мною присматривали. Но были такіе минуты, когда я, придя въ сознание, никого около себя не находила и старалась воспользоваться этимъ, чтобы исполнить свое ужасное намѣреніе. Однакоже, милосердый Господь, Котораго я прогнѣвала своимъ вѣроотступствомъ, хранилъ меня и не допустилъ на вѣки погубить

душу мою. Какъ только я задумаю что-либо надъ собой сдѣлать, въ это самое время взойдетъ кто нибудь изъ родныхъ, или тотчасъ дѣлается новый припадокъ, и я надолго потеряю сознание.

«Цѣлыхъ тридцать недѣль находилась въ такомъ истинно ужасномъ состояніи! Всѣ родные отчаялись въ моемъ выздоровленіи, — думали, что я такъ и останусь больной и сумасшедшей. Но я стала постепенно приходить въ сознание и здравый разумъ. Припадки больше не повторялись; я надѣялась скоро выздороветь. А между тѣмъ, съ возвращеніемъ разсудка, чему я и всѣ родные такъ обрадовались, постигла меня новая бѣда: я сильно заболѣла, быстро стала ослабѣвать и видимо приближалась къ смерти. Свекоръ и свекровь хотѣли послать за Харитономъ, чтобы меня напутствовать по обычаю келейныхъ; но случилось, что въ это время пришла навѣстить меня родная мать, и я шопотомъ сказала ей: «не хочу я умирать келейною... постарайся призвать ко мнѣ нашего православнаго священника... не дай, родимая, погибнуть душѣ моей!»

«Зная, что меня неведь совратили въ расколъ, мать моя приступила къ свекору и свекрови и настоятельно требовала тотчасъ же призвать ко мнѣ православнаго священника: «Вы насильно перетасили мою дочь въ келейную свою вѣру, — говорила мать, — она никогда добровольно не согласилась бы оставить св. церковь! Теперь вы не можете насиловать умирающую! Она желаетъ принять православнаго священника, а не вашего Харитона-мужика! Если вы этого не сдѣлаете, то я сію же минуту отправлюсь къ надзирателю и объявлю о совращеніи моей дочери, чтобы предать васъ суду!» Свекоръ и свекровь испугались, потому что хорошо знали характеръ моей матери, — знали, что она не замедлитъ привести свою угрозу въ исполненіе. Время было зимнее, и было это ночью: свекоръ запрягъ лошадь и матушка сама, никому не довѣряя, отправилась за православнымъ священникомъ. Онъ скоро явился, исповѣдалъ и причастилъ меня св. Тайнъ, какъ православную, потому что ему никто не сказалъ, что я совратилась въ расколъ. По принятіи св. Тайнъ, я уже не боялась смерти. Потомъ я скоро заснула глубокимъ сномъ и проспала спокойно часовъ восемь. Когда проснулась, то почувствовала большее облегченіе. Болѣзнь моя стала быстро проходить: чрезъ недѣлю я поднялась на ноги, а потомъ и совсѣмъ почти выздоровѣла. Только чувствовала себя очень слабою, такъ что стала плохой помощницей въ домашнихъ работахъ. Свекоръ и свекровь опять стали косо смотрѣть на меня, какъ на отпадшую отъ келейной вѣры, и начали совращать меня въ расколъ: «вѣдь это все мать твоя надѣлала, — говорили они, — когда ты была при смерти. Она вѣдь тебя опять перевела въ никоніанскую вѣру. Ты въ этомъ не грѣшна. Господь проститъ тебѣ этотъ невольный грѣхъ. Мы сейчасъ же призовемъ отца Харитона: онъ прочитаетъ тебѣ молитву отъ оскверненія, и ты опять будешь нашею — келейною». — «Не мать меня при-

вела къ церкви Божіей, — сказала я свекору и свекрови, — а сама я искренно этого пожелала. Напрасно вы говорите, что я, будучи при смерти, не сознавала, что со мною дѣлали. Нѣтъ, — я все сознавала и отъ всей души моей благодарила Бога, что Онъ сподобилъ меня, многогрѣшную, раскаяться въ моихъ грѣхахъ православному священнику и принять отъ него св. Тайны Христовы! Прошу васъ, батюшка и матушка, — не старайтесь убѣждать меня перейти въ вашу келейную вѣру: я дала Богу обѣтъ всегда, до конца моей жизни, пребывать и умереть во св. церкви. Теперь я хорошо поняла, что за то и наказалъ меня Господь болѣзнями, что я ослушалась моихъ родителей, покинула церковь Божію. Во второй разъ я не сдѣлаюсь вѣроотступницей!» — Послѣ такого рѣшительнаго съ моей стороны отказа, свекоръ и свекровь возненавидѣли меня какою-то чисто дьявольскою ненавистію. Жизнь моя въ семьѣ сдѣлалась невыносимо тяжелою. Мужъ мой это видѣлъ и жалѣлъ меня; но не могъ избавить отъ неистовыхъ нападковъ своихъ родителей. Наконецъ мы вынуждены были совсѣмъ выдти изъ дому, — отдѣлиться отъ родителей мужа. Ничего намъ не дали они, кромѣ одежды. Родной отецъ мой, видя наше бѣдственное положеніе, смиловался надъ нами: далъ при своемъ дворѣ мѣстечко, и помогъ намъ выстроить вотъ эту самую хижину.

«Съ этихъ поръ мы жили одиноко. Мужъ мой сталъ ходить на заработки — пеньку трепать, а я оставалась дома, помогала моей матери въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Стали рождаться у насъ дѣти. Мужъ мой, хотя держался келейной вѣры, но не запрещалъ мнѣ крестить дѣтей въ православной церкви. Я ходила молиться Богу въ св. храмъ, а мужъ — къ келейнымъ, въ моленную. Отецъ мой хотя видѣлъ, что я искренно обратилась къ церкви Божіей, но не переставалъ иногда упрекать меня вѣроотступничествомъ. Да и сама я до сего времени почему-то не считала себя вполне православною. Мнѣ все думалось, что тяжкій грѣхъ вѣроотступничества еще лежитъ на мнѣ. Но теперь, слава Тебѣ Господи! чувствую какую-то легость на душѣ!»

— Что же мужъ твой? — спросилъ я Евпраксію: и до сихъ поръ находится въ расколѣ?

— «Какъ вамъ сказать, батюшка? — наполовину въ расколѣ, а наполовину въ православіи».

— Какъ же это наполовину? — спросилъ я.

— «Да вотъ минуло полтора года, какъ онъ пересталъ ходить къ келейнымъ въ часовню; а съ зимняго Николая (6 Дек. 1883 г.) сталъ ходить на молитву уже къ намъ въ церковь» — отвѣтила Евпраксія.

— Вѣроятно вы съ матушкою убѣдили его оставить расколъ? — спросилъ я.

— «Нѣтъ, ни я, ни матушка, не убѣждали его бросить келей-

ныхъ. Прежде, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правда, мы неоднократно ему говорили объ этомъ; но онъ и слушать не хотѣлъ, да же, бывало, начнеть бранить насъ и св. церковь! Мы и не думали, чтобы онъ когда бросилъ келейныхъ. Его самъ Господь и Святитель Христовъ Никола вразумили, наказавъ за тяжкій грѣхъ злохуленія на церковь Божию.

— Что же было съ твоимъ мужемъ?—спросилъ я.

— «Объ этомъ батюшка, я расскажу вамъ по порядку, какъ все случилось. Когда я опять сдѣлалась православною, то на св. Пасху и другіе годовые и престольные праздники ко мнѣ всегда заходилъ православный священникъ. Мужъ мой на это время обыкновенно уходилъ изъ дому, чтобы не видѣть священника, и за великій грѣхъ считалъ давать мнѣ денегъ для священника. Зная это, я всегда на такой случай запасалась деньгами. Но тутъ, передъ нашимъ престольнымъ праздникомъ Николы Чудотворца (5 Декаб. 1882 года), я какъ-то оплошала,—не запаслась деньгами. Наканунѣ, часу въ десятомъ вечера, я и говорю мужу: Никита Александрычъ! одолжи мнѣ, голубчикъ, гривенникъ денегъ?—«На что тебѣ?»—спросилъ онъ.—«Да вѣдь, какъ же?—завтра батюшка придетъ, а у меня копѣйки нѣтъ заплатить ему за труды!»—«Я лучше за дворъ собакамъ брошу гривенникъ, отвѣтилъ онъ, а не дамъ тебѣ платить никоніанскимъ попамъ! Вѣдь они какіе ваши поны-то?—И пошелъ и пошелъ ругать и злословить священниковъ и православную церковь, словно самъ нечистый нашентывалъ ему въ уши и клалъ на языкъ такія скверныя слова!... Я заплакала. Мнѣ невыносимо больно было слушать все это отъ мужа. Долго я, сидя на постелѣ, плакала. Даже забыла зажечь лампадку предъ иконой Угодника Божія. Наконецъ я уснула на постели; а мужъ мой—вотъ на этой кровати. Около полуночи, вдругъ я слышу, что кто-то меня будитъ. Я вскочила и спрашиваю: кто это?—«Я»—проговорилъ мой мужъ какимъ-то несвойственнымъ ему голосомъ.

— Что ты, Никита Александрычъ?—спросила я.

— «Зажги огонь... со мной что-то не хорошо сдѣлалось»,—сказалъ онъ.

Я испугалась, вся задрожала отъ страха, потому что голосъ моего мужа совсѣмъ измѣнился, и онъ съ большимъ усиліемъ ворочалъ языкомъ. Когда зажгла я свѣчу, освѣтила комнату и взглянула на мужа, то едва могла удержаться на ногахъ отъ ужаса: лицо у него все было перекошено на лѣвый бокъ! Одного глаза совсѣмъ не видно отъ опухоли. Я воскликнула: Господи, помилуй насъ! Пресвятая Богородице, спаси насъ! Святителю Христовъ Николае, моли Бога о насъ! И вспомнила я про вечернія хулы и ругательства моего мужа на святую церковь и ея пастырей,—вспомнила и поняла, что правосудный Богъ не потерпѣлъ ему, поразилъ злоглаголивый уста! Затепливъ предъ образомъ Угодника Божія лампадку, я со вла-

стію сказала мужу: «падай на колѣни! Молись и проси Бога и Угодника Его, чтобы простили твой ужасный грѣхъ и исцѣлили тебя отъ этой страшной болѣзни!» Мужъ мой безпрекословно послушалъ меня: сталъ на колѣни (вопреки расколыническому обычаю); а я стала поодаль его и тоже молилась со слезами. Потомъ я сходила и разбудила матушку, которой пересказала обо всемъ случившемся. Матушка пришла къ намъ, взглянула на моего мужа и тоже перепугалась. Она присодинилась къ намъ и вмѣстѣ съ нами долго молилась. И милосердый Господь услышалъ нашу грѣшную, но усердную молитву: опухоль на лицѣ мужа стала постепенно опадать, ротъ понемногу выпрямлялся и открывался заплывшій глазъ. Съ первымъ ударомъ соборнаго колокола, возвѣстившаго о началѣ ранней обѣдни, мужъ мой поднялся на ноги: на лицѣ у него никакихъ слѣдовъ уже не оставалось ужасной болѣзни. Всѣ мы искренно возблагодарили Господа за видимое исцѣленіе. Наказалъ Господь, Онъ же и помиловалъ!»

— «Да, батюшка, истинную правду тебѣ дочь моя рассказываетъ,—подтвердила старушка Шарикова.—Все это я сама, собственными глазами видѣла!»

— «Съ этихъ поръ,—продолжала Евпраксія,—мужъ мой пересталъ ходить къ келейнымъ въ моленную. По воскресеньямъ и праздникамъ онъ по лѣстовкѣ (чоткамъ) молился дома, и никогда уже не отказывалъ мнѣ въ деньгахъ на духовныя потребности. Минувъ годъ съ этого памятнаго для всѣхъ насъ ужаснаго дня; опять наступилъ канунъ нашего престольнаго праздника (5-го Дек. 1883 г.); ударили въ соборный колоколъ ко всеобщей. Мужъ мой сталъ одѣваться въ праздничную поддевку, собираясь куда-то идти. Въ это время была у насъ матушка, убирала кое-что по дому; потому что я уже страдала ногой и не могла съ мѣста сойти. Матушка спросила моего мужа: «куда же это ты, Никитушка, на ночь глядя, подъ такой великій праздникъ уходишь изъ дому? Чѣмъ бы Богу стать помолиться, а ты идешь куда-нибудь празднословить!»

— Нѣтъ, не празднословить я иду,—отвѣтилъ мужъ, а Богу помолиться.

— «Куда же: къ Харитону что-ль?»—спросила я.

— Къ Харитону я цѣлый годъ не ходилъ и никогда не пойду. Не хочу я быть келейнымъ. Пусть мои родители меня ругаютъ, проклинаютъ... Богъ съ ними и съ ихъ старою вѣрою! Я иду молиться въ Божій храмъ, въ которомъ 24 года не молился! Пойду молиться Угоднику Божію Николѣ Чудотворцу въ его святомъ храмѣ!

Мы съ матушкой искренно, со слезами, благодарили Господа за Его великую къ намъ грѣшнымъ милость, что Оль по своему чловѣколюбію, вразумилъ заблудшаго моего мужа, привелъ опять къ св. своей церкви!

Съ этихъ поръ онъ всегда уже ходитъ на молитву въ св. храмъ, — заключила свой рассказъ Евпраксія.

Слушая все это и нисколько не сомнѣваясь въ правдивомъ разсказѣ болящей, только что причастившейся св. Тайнъ, я внутренно возблагодарилъ Господа за Его великія милости, изливаемые на насъ грѣшныхъ! И пришли мнѣ на память Богодухновенныя слова Царя-Пророка: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117, 18). *Терпя потерпѣхъ Господя, и внятъ ми, и услыша молитву мою: и возведе мя отъ роза страстей, и отъ брѣня тины, и постави на камени нозы мои, и исправи стѣны моя: и сложу во устѣ моя пѣснь нозу, пѣніе Богу нашему. Узрятъ мнози и убоятся, и уповаютъ на Господа* (Пс. 39, 2, 3, 4).

Прощаясь съ болящею Евпраксією, я сказалъ: «вѣруй и молись Богу! Помни, что очи Господа обращены на праведниковъ и уши Его въ молитву ихъ. Вываютъ (праведные), и Господь слышитъ и отъ всѣхъ скорбій ихъ избавляетъ ихъ. Близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ, и смиренный духомъ спасетъ» (Пс. 33, 16, 18, 19).

— «Какъ же мнѣ молиться, батюшка? спросила Евпраксія. Научи меня!»

— Ты знаешь обычныя молитвы? — спросилъ я.

— «Какъ не знать! Съ малолѣтства научилась».

— Ну и хорошо, что знаешь. Читай эти молитвы почаще и усерднѣй, отъ искренняго сердца. Господь не оставитъ тебя. Къ молитвамъ своимъ прибавь еще молитву св. Великомученику Пантелеимону-Цѣлителю. Онъ стяжалъ у Господа особенную благодать исцѣлять различные недуги и болѣзни. При семъ я спросилъ: есть ли у васъ образъ св. Великомученика Пантелеимона?

— «Нѣтъ, батюшка!» — отвѣтила больная.

Я обещался прислать ей образъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года былъ я въ Козельской Оптиной Пустыни и тамъ приобрѣлъ небольшую икону съ изображеніемъ святыхъ: Великомученика Пантелеимона и безреченниковъ Козмы и Даміана. По возвращеніи въ Сухиничи, я тотчасъ же послалъ болящей Евпраксіи св. икону и задравную просфору. Спустя недѣлю, подошла ко мнѣ въ церкви старушка Шарикова, мать Евпраксіи, и стала благодарить. Я спросилъ: какъ здоровье твоей дочери? — «Слава Богу, батюшка! — крестясь отвѣтила она. — Видно, за ваши св. молитвы Господь смилостивился до насъ грѣшныхъ! Вѣдь дочери-то моей послѣ св. причастія гораздо полегчало... Она теперь не такъ страдаетъ ногой... Слава Тебѣ Господи! Вотъ уже недѣли три, какъ она стала на ногу наступать, можетъ съ костьюлемъ въ рукѣ и по избѣ пройти!» — «Благодарите Бога и св. его Угодниковъ, — сказалъ я Шариковой. Не теряйте вѣры, надѣйтесь, молитесь усерднѣй. Богъ всемогущъ и всемогущъ. Онъ можетъ совершенно исцѣлить дочь твою».

Осенью, въ Ноябрь мѣсяцѣ, возвратился изъ заработковъ мужъ Евпраксіи и увидѣлъ жену свою въ гораздо лучшемъ состояніи здоровья, нежели въ какомъ оставилъ ее, отправляясь изъ дому. Жена и теща пересказали ему обо всѣхъ обстоятельствахъ, такъ благо-творно повліявшихъ на здоровье Евпраксіи. «Сходи къ нашему батюшкѣ, о. Михаилу, — говорили онѣ Чернышкову, — поблагодари его за попечительность, какую онъ принималъ въ нашемъ бѣдственномъ положеніи; да и о себѣ-то разскажи ему, что ты и до днесь состоишь въ келейной вѣрѣ». Чернышковъ два раза приходилъ ко мнѣ въ домъ, но, къ сожалѣнію, меня не засталъ. Потомъ я уѣзжалъ на родину свою и въ Москву. По возвращеніи моемъ въ первыхъ числахъ Декабря, однажды въ церкви подходитъ ко мнѣ мужчина и благодаритъ меня. Я узналъ, что это мужъ Евпраксіи. Тутъ же онъ объявилъ мнѣ о своемъ желаніи присоединиться къ православной церкви: «хотя я уже два года какъ отсталъ отъ келейныхъ, — говорилъ онъ, — и вотъ уже годъ какъ хожу на молитву въ церковь, но, не будучи присоединенъ, чувствую себя не вполне православнымъ». Я одобрилъ его намѣреніе и приказалъ ему какъ слѣдуетъ приготовиться къ исповѣди и къ св. причастію.

— «Спаси васъ Христосъ, батюшка! — кланяясь говорилъ Чернышковъ. — Я искренно, отъ души желаю исповѣдаться и приобщиться св. Христовыхъ Тайнъ! Вотъ уже 25 лѣтъ какъ я, многогрѣшный, ни разу не приобщался! Да и жена моя желаетъ исповѣдаться и приобщиться; только она не можетъ на своихъ ногахъ дойти до храма Божьяго».

— Успокой свою жену, — скажи ей, что я приду къ вамъ въ домъ приобщить ее св. Тайнъ. Пусть она готовится.

При этомъ я передалъ Чернышкову въ краткихъ словахъ рассказъ его жены и спросилъ: такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

— «Истинную правду вамъ, батюшка, рассказала моя жена», — отвѣтилъ Чернышковъ; — согрѣшилъ я передъ Богомъ! Въ слѣпотѣ своей ревности къ этой келейной вѣрѣ неоднократно хулилъ и зло-словилъ св. церковь и ея пастырей! За то и наказалъ меня Господь, такъ искажилъ мое скверное лицо, что я на челоуѣка не подходилъ! Но Онъ же и помиловалъ, когда мы стали ему усердно молиться. Слава ему Создателю и Человѣколюбцу!»

Въ назначенный день (14 Декабря) Чернышковъ явился въ храмъ Божій. Я исповѣдывалъ его, присоединилъ, по чиноположенію, къ св. церкви, а 15 Декабря, за Божественной литургіей, онъ сподобился приобщенія св. Тайнъ. Послѣ Литургіи, я отправился къ нему въ домъ. Подойдя къ двери, я постучалъ. Мнѣ вышла отпереть сама Евпраксія. Я не мало этому удивился и прославилъ Бога за Его великую милость, такъ изобильно изливаемую на тѣхъ, кто съ вѣрою, любовію и сокрушеннымъ сердцемъ взываетъ къ Его благоутробію! Исповѣдавъ и приобщивъ Евпраксію, я поздравилъ ее съ

4455-13

сугубою радостію, съ особенною милостію Божіею, посѣтившею ихъ домъ. Въ это время пришелъ изъ храма и мужъ Евпраксіи, Никита Чернышковъ.

По ихъ усердной просьбѣ я остался у нихъ пить чай. Евпраксія сама хлопотала около самовара. Она свободно ходила на ногахъ, хотя нѣсколько прихрамывая. Я спросилъ ее: когда ты стала чувствовать облегченіе своей болѣзни?—«Съ того самаго дня, батюшка, когда сподобилась присоединиться къ св. церкви и приобщиться св. Христовыхъ Таинъ,—отвѣтила она. Прежде всего я почувствовала облегченіе въ груди,—на сердцѣ, которое у меня нѣсколько лѣтъ какъ будто придавлено было гнетомъ. Потомъ перестало руки ломить и стали понемногу заживать. Когда вы, батюшка, благоволили прислать мнѣ св. образокъ, то я такъ обрадовалась, что вы сказать вамъ не могу! Я вѣровала, что внесеніемъ въ нашъ домъ св. образа вы внесли ко мнѣ здоровье. Съ этихъ поръ я усердно стала молиться Угодникамъ Божиимъ. Страшная ломота въ ногѣ замѣтно стала утихать, боль облегчалась. Сначала я испытала себѣ, прошла съ палкою въ рукѣ. Потомъ матушка принесла костыль, и я стала, при помощи его, ходить. Теперь же, благодаря Бога и св. его Угодниковъ, хожу безъ костыля свободно. Хотя нога и болитъ нѣсколько, но я уже не чувствую той ужасной боли, которою полтора года страдала».

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго не лишнимъ считаю сказать: да послужитъ правдивый рассказъ болящей Евпраксіи объ ея жизни и о томъ, какъ она и мужъ ея обращены Промысломъ Божиимъ къ православной церкви, въ назиданіе и урокъ для тѣхъ православныхъ, которые по простотѣ и невѣдѣнію, или по равнодушію не строго смотрятъ на различіе въ вѣрѣ православной и старообрядческой, не считаютъ большимъ грѣхомъ выдавать дочерей своихъ замужъ въ семьи раскольниковъ, гдѣ онѣ, какъ и бѣдная Евпраксія, испытываютъ обильно всякія обольщенія, а потомъ и гоненія для соvrщенія въ расколъ, и если не имѣютъ достаточно духовной твердости, или не снищутъ смиреніемъ и благочестіемъ особеннаго о нихъ попеченія Божія, легко могутъ оставить святую церковь и на вѣки погибнуть въ сѣтяхъ раскола.

«Пребывай въ церкви (говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ) и не предашь будещи отъ церкви. Аще же изыдеши вонъ, то и звѣрмьятъ бываеши» (Маргаритъ, слово 10-е, лист. 519).

Сухиничскаго Смоленскаго собора священникъ

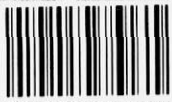
М. Дударевъ.

21 Января 1885 г.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго Комитета, печатанъ доводится.
Москва. Августа 16 дня, 1886 года.

Цензоръ Протоіерей *Михаилъ Боголюбскій.*

Типографія И. Ефимова. Больш. Якиманка. домъ Смирновой.

2012365782